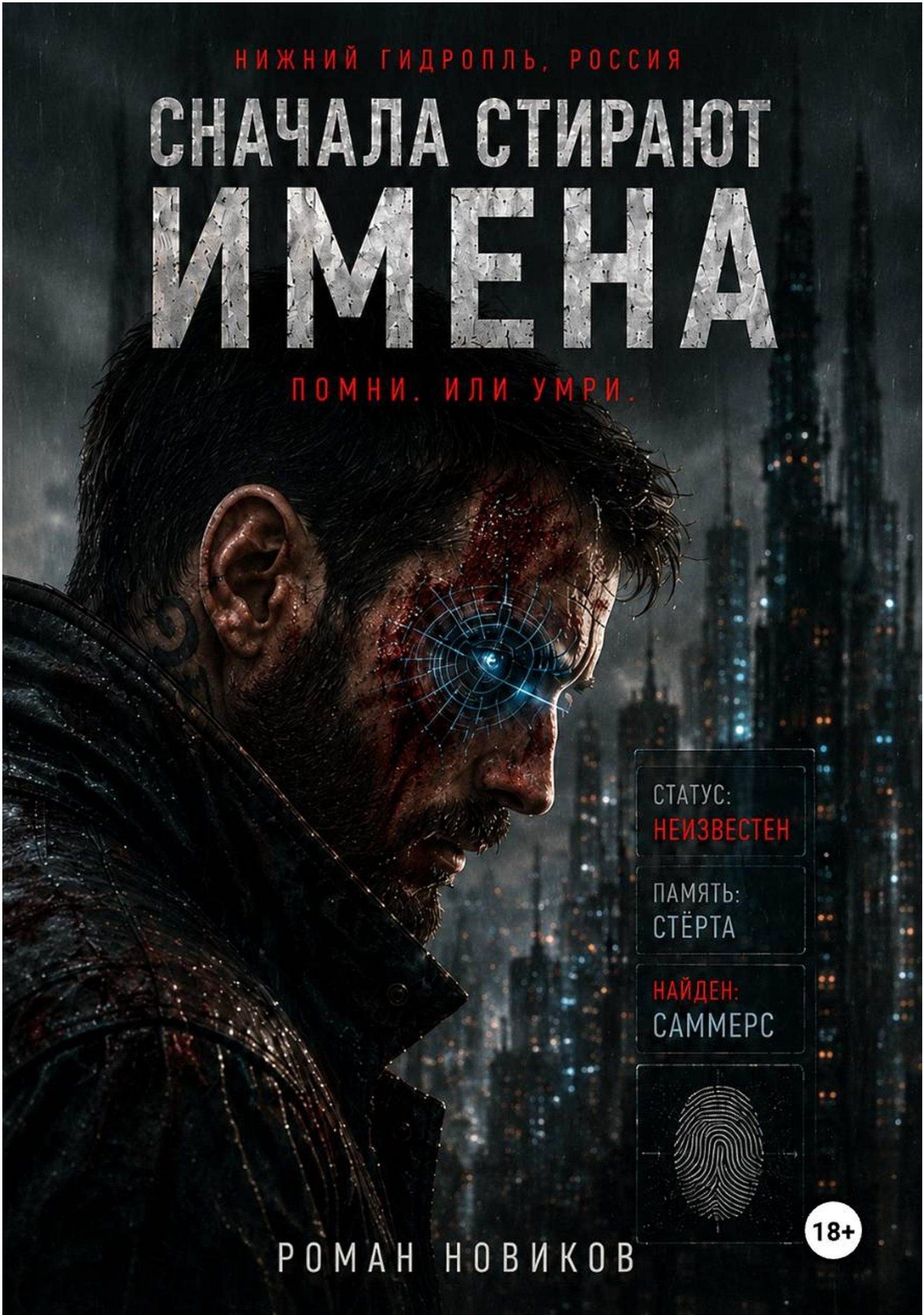

НИЖНИЙ ГИДРОПЛЬ, РОССИЯ
СНАЧАЛА СТИРАЮТ ИМЕНА
ПОМНИ. ИЛИ УМРИ.
СТАТУС:
НЕИЗВЕСТЕН
ПАМЯТЬ:
СТЁРТА
НАЙДЕН:
САММЕРС
18+
РОМАН НОВИКОВ

Гидропль

Роман Новиков

Сначала стирают имена

«Автор»
2026

Новиков Р.

Сначала стирают имена / Р. Новиков — «Автор», 2026 — (Гидропль)

Его память стёрта. Но прошлое не забыло о нём.Саммерс не помнит, как оказался в Нижнем Гидропле — мегаполисе, разрезанном на три неравные части. Врачи говорят — ретроградная амнезия. Но шрам на виске и ночные кошмары подсказывают: ему лгали.Пока он перебивается мелкими заказами в «Пустоши», где жизнь стоит дешевле патрона, тени прошлого сгущаются. Кто-то очень не хочет, чтобы Саммерс вспомнил. И когда правда начнёт просачиваться наружу — как кровь из-под бинтов — окажется, что за его память уже заплатили слишком высокую цену.Сможет ли он вспомнить своё имя, прежде чем его сотрут навсегда?

© Новиков Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ARCHIVE_01 / Tape_A — THE_DUTCH_VISUAL 5
TRACK_01 — INTRO / Tape_A 6
TRACK_02 — ROAD_TO_SIN_PLACE / Tape_A 8
TRACK_03 — IN_THE_DARKNESS / Tape_A 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Роман Новиков
Сначала стирают имена

ARCHIVE_01 / Tape_A — THE_DUTCH_VISUAL

ФРАГМЕНТ АУДИОАРХИВА
Часть записей отсутствует.
Некоторые имена и события не установлены.
Работы по восстановлению продолжается…

TRACK_01 — INTRO / Tape_A

Звук мобильника нарушил ночную тишину в комнате загородного мотеля. В помещении царила сильная жара. Умирающая сплит-система отказывалась работать на полную мощность. Пропитанный потом мужчина приоткрыл глаза, уставившись в серый потолок комнаты. Его иллюзию о продолжении отдыха нарушила всплывающая на стене голограмма умного голосового помощника:

«Доброй ночи, сэр, вам звонит абонент, зарегистрированный в «Национальная цифровая связь» под именем «Клячкин Владимир Шавлович», что пожелаете ему ответить? Позвольте предоставить вам на выбор популярные ответы:

«Я сейчас занят, перезвоню позже;

Напишите мне, пожалуйста;

Оставьте свое голосовое сообщение;

Что у Вас случилось?;

Прошу меня больше не беспокоить;

Вы ошиблись номером;

Я не нуждаюсь в Ваших товарах;

Поцелуй меня в «цензура»!;

Пошел на «цензура»!;

Я тебя закопаю!;

Гори в аду!».

— Пошли его на хрен! Я сплю! — мужчина упёрся лицом в подушку.

Его тело ломило от вирусной инфекции. Температуру удалось сбить. Всего лишь на час.

— Извините, но у данного абонента «Золотой статус», — проговорила виртуальная помощница.

— И что это значит?

— Это значит, что текстовой ответ: «Пошёл на «цензура»! — невыполнимая команда. Выберите другой из представленных ответов, либо мне придётся вас с ним соединить.

«Когда-нибудь я застрелюсь!» — встал с кровати мужчина.

— Ладно, соединяй! — отыскал среди вещей он гарнитуру. — Сколько сейчас на часах?

— Сейчас половина первого ночи. Соединяю вас с абонентом под именем «Клячкин Владимир Шавлович».

«Всего-то какой-то первый час», — вздохнул незнакомец, разминая шею.

За окном по подоконнику стучал летний дождь. Мужчина прекрасно знал ту персону, скрывающуюся под нелепым псевдонимом «Клячкин Владимир Шавлович». Это был Андрей Климович Каурин, высокопоставленный амбициозный сотрудник корпоративной военной организации «Сибирь». Псевдоним был слеплен из нескольких имён известных представителей шансона, которых корпорат заслушивал до дыр.

— Привет, Саммерс! Я смотрю, ты меня нарочно стал избегать аж включилась помощница в телефоне. Игнорировать человека с «золотым статусом» — это всё равно что ссать против ветра, — язвил в трубку Каурин. — Хочешь сбежать от меня? Скажу тебе сразу: это бесполезно, я нажму кнопочку, и за тобой приедут. Кстати, ты слышал, сколько за твою башку давали местные гоблины три месяца назад?

— Привет, Андрюша. Не скажу, что рад тебя слышать. Попробуй удивить.

— Триста штук, представляешь. Но это рубли, детка!

— Вау, — сухо проговорил Саммерс. — Это много?

— Прикинь, за идеолога террориста группы «Молот» в том году давали всего лишь сто. А это чёрный список. Ну, а ты прям рок-звезда. Жаль, что рублями. Ими ведь трудно что-

то купить в первом секторе. Я бы тогда пришёл не разговаривать — я бы пришёл с людьми. Без лишнего шума, без лишних слов. Всё быстро, чётко, по-взрослому. А вообще, если уж замахиваться — то по-крупному. Дом хочу попросторней. И да, можно прямо напротив той самой соски из вечернего прогноза. Пусть знает, что соседи у неё серьёзные.

— Помечтал? Какого хрена тебе от меня нужно? Я больше не при делах.

— А теперь позволь мне высказаться. Ты знаешь, если бы не та бойня, которую вы устроили! Из-за неё! Твою мать! Из-за неё мне пришлось писать рапорт и падать в ноги вождю, чтобы меня не трахнули! — перешёл на крик Андрей. — Твою мать, я же говорил про ночную операцию! Что с ушами? Или обкурились? Налёты в моём городе проводятся ночью! Сука, ночью! Радуйся, что мне удалось спасти твою задницу!

— Это был не тот борт, — перебил его Саммерс. — Ты разве не знал про репутацию Грима? Он же идиот!

— Мне насрать! Ладно, к делу. Пробежала информация, что один токер пытался ломануть наш сервер. В разведданных упоминается, что он работал сингапурским «призраком» и, возможно, успел вытащить 10–15 %. В принципе, данных немного, поэтому я не спешу кидать основные силы на его поимку. Короче, ты нагрянешь к нему и выбьешь из него все. Сингапурский софт, кто бы подумал.

— У империи есть рассвет и закат. Не про вас ли?

— Заткнись! Длинный язык значит! Могу подрезать.

— А у меня всё длинное. Если там 10–15 % всего, то почему ты так взволнован? Наверное, туда утекло что-то важное.

— Как закончишь с ним, сообщишь, где забрать данные. Ну, я постараюсь направить группу зачистки. Адрес скинул тебе. Извини, но в этот раз оплата только по результату, и желаю тебе удачи, дорогуша! — повесил трубку корпорат.

Откуда они друг друга знают — сложный вопрос. Первое воспоминание было связано с больничной палатой, куда попал Саммерс по неизвестным причинам. Андрей был моложе и худее. Он молча сверлил Саммерса глазами, параллельно кивая докладывающему доктору.

Через какое-то время Саммерс сумел навести о нём небольшую справку. Женат. Сын учится на коммерции на факультете журналистики. Прямо как папа. За своё недолгое существование открыл десяток подставных фирм, через которые брал у «Сибири» правительственные подряды: разгоны демонстраций с применением нелетального оружия, вбросы в СМИ, уничтожение сект и целых общин, ликвидация незарегистрированных гуманоидных андроидов.

Денежный водопад пошёл после того, как Каурин и его приспешники разработали «хитрую» схему: специалисты по робототехнике перепрашивали человекоподобные железяки и продавали их токерам в кредит — всё ради сбора информации. Ну а когда приходила пора сливать токера, врывались в масках оперативники, производившие ликвидацию по всем статьям закона. «Вынужденный слив» — любимый термин Андрея Каурина. Буквально через пять лет этот персонаж пробился в верха военной организации.

Андроиды появились в продаже в 2036 году и мгновенно стали хитом. Фитнес-тренеры, няни, охранники и секс-инструкторы расходились тысячами, и Leevay Technology Inc. даже открыла дополнительный завод. Люди закладывали квартиры и машины ради железных помощников — пока через пять лет те не начали убивать хозяев. Причину так и не выяснили, но в декабре 2041 года власти приказали уничтожить всех андроидов в мегаполисе. Чистка длилась больше двух лет. А ещё через два года Leevay Technology вернулась на рынок с «усовершенствованной» моделью — и богатых покупателей это снова не остановило.

TRACK_02 — ROAD_TO_SIN_PLACE / Tape_A

Собравшись с мыслями, Саммерс направился в сторону ванной комнаты. Настенные электронные часы показывали «01:20». Под часами висела информационная табличка: «Горячая вода входит в отдельную плату. Оплату наличными и безналом вы можете произвести у консьержа». Застыв над своим зеркальным изображением, мужчина пропел: «Какой дерьмовый день. Какой дерьмовый отель. Какой дерьмовый я и песенка моя!». За стеной послышались женские стоны. «Не всем хреново, как тебе», — достал он бритвенные принадлежности. Жар в теле снова усилился. Добрив своё лицо лазерным шримером холодной водой, мужчина пошёл за таблетками. «Нужно купить новые препараты. Это старое говно убивает симптомы на пару часов, — запивал он водой оставшиеся две пилюли. — Опять придётся мокнуть под дождём. Нужна тачка, а не эта двухколёсная рухлядь».

Сделав пару отжиманий, мужчина надел на себя чёрные джинсы. «А ты немного набрал. Задница еле влезла», — надевал он косуху поверх чёрной футболки. Спустя минуту он вышел из номера, нарочно громко хлопнув дверью. В номере слева продолжались громкие стоны женского наслаждения. Жар и злость побороли мужчину, и он принялся барабанить в ту дверь. Стоны резко стихли, послышались голоса. Дверь начала медленно открываться, в дверном проёме показалась невысокая фигура.

— Слушай, говнюк! Я загрёбся слушать эти стоны! — тыкал он пальцем незнакомцу. — Башка и так болит! Имей, сука, совесть!

В темноте послышался женский смех, дверь настежь открылась. Напротив него стояла «в чём мать родила» длинноволосая блондинка с железным протезом вместо руки. Рядом с дверью расположилась двуспальная кровать, где сидела другая обнажённая девушка.

— Ни хрена себе! — мужчину обдало холодом. — Ну вы даёте, девчонки.

— Простите нас, что мы вам помешали, — хихикала девушка с протезом. — Я, наверное, увлеклась. Мы больше так не будем хулиганить.

— Может, похулиганим вместе? — крикнула подруга на кровати, поджав ноги к обнажённой груди. — А ты, кстати, вроде ничего. Люблю старшеньких! Да ещё и с такими пышными усами!

— Что думаешь?

— Я бы с радостью, киски. Третий день на таблетках, — с грустью сказал мужчина. — Дела появились.

— Закончишь дела — приходи к нам. Мы будем ждать. — подмигнув, девушка закрыла дверь.

«Полный облом».

Рядом со входом в защищённой прочным стеклом кабине сидел седой консьерж. Мужчина клевал носом, уставившись в телевизор. «Только лучшее предложение этого месяца по особо низкой цене! Новая современная кибер — консоль «Leevay HJS-60» по цене старой! Такого вы нигде не увидите. Звоните сейчас и получите дополнительную скидку 10 %. Звонок платный».

— Эй!

— Какого чёрта! — вскочил седой мужчина. — Ты что горланишь? Смерти моей хочешь?!

— Спящий солдат — беда на посту, — оглядел кабину Саммерс.

— Я не спал. Выезжаешь?

— Да. Сколько я должен?

— Сотка, — щёлкал по клавишам мужчина. — И плюс паркинг. Итого — двести.

— Чего? Двести? Ты охренел, что ли?

— В комнате есть табличка, на которой чёрным по белому написано про горячую воду. Не надо было пользоваться. Мы посреди пустыни, вода в дефиците, — встал в позу консьерж.

— А ты в курсе, что её вообще нет? А?! Проверяй комнаты перед заселением! Там завелись тараканы с кулак! Даю сто — и точка, — Саммерс вытащил из кармана наличные деньги.

Денежные купюры упали на стол консьержа. Старик с недовольным лицом забрал деньги.

— Знаешь, что? — выпалил седой.

— Что?

— Вали-ка ты отсюда, пока я не рассердился. И больше не появляйся тут!

— Я весь дрожу, — рассмеялся Саммерс. — Кстати, где мне можно оставить свой отзыв? Мотель дерьмо. Хозяин тоже дерьмо.

— Закрой дверь за собой!

— Без проблем.

Саммерс вышел на улицу. На дворе стояла дождливая ночь. Дождливая — это слабо сказано: с небес лил ливень. Непогоду дружно сопровождали гремящий бог грома Тор, тот, что сын Одина, и его давний друг Зевс, тот, что создал молнию. «Льёт неслабо, придётся включать автопилот», — высматривал свой байк на крытой парковке Саммерс. Назойливый жар немного отступил, дав хозяину тела больше свободы. За спиной мужчины сверкала вывеска отеля в форме пальмы с ироничным названием «Оазис».

Покрытый местами ржавчиной байк стоял в дальнем углу паркинга. Мотоцикл можно назвать раритетным, так как это была последняя модель в линейке российского завода «ГигМоторс» перед его банкротством. «ГигМоторс Торпеда-2050» серебристого цвета, внешне похожий на последние модели мотоцикла «Урал-212», только движок немного сильнее, чем у конкурента. Четыре солнечные панели сзади — с запасом хода на две тысячи километров при полностью заряженном аккумуляторе. При покупке продавец уверял Саммерса, что этот байк участвовал в нескольких байкерских заездах при поддержке присоединения западных государственных границ. Мужчина завёл двигатель, железный «конь» приветливо прорычал. «Обожаю этот звук», — захлопнулся защитный шлем.

На цифровом дисплее мотоцикла появилась информация: «Заряд основной батареи менее 15 %. Запас хода — 90 километров. Включить автопилот: да/нет. Включить голосового помощника: да/нет».

— Да.

— Голосовой помощник активирован. Нуждаетесь ли вы в автопилоте?

— Да.

— Автопилот активирован. Пожалуйста, отчётливо продиктуйте адрес.

— Сейчас. Секунду, — рылся в телефоне наёмник. — Третий сектор, центральная часть, Курский проезд, строение номер восемь.

— Навигационной системе не удалось распознать ваш голос.

— Да твою-то мать! — Саммерс снял шлем. — Третий сектор! Центральная часть! Курский проезд! Строение номер восемь!

Навигационная система отобразила на дисплее варианты поиска запрошенного адреса. Через секунду на спутниковой карте появилось помеченное красной стрелкой десятиэтажное здание. Компьютер сообщил мужчине, что здание признано аварийным уже как тридцать лет назад и готово под снос.

— Адрес найден. Расчётное время до объекта — двадцать три минуты с учётом пребывания на контрольно-пропускном пункте. Прошу вас надеть на голову защитный шлем. Напоминаю: заряд основной батареи — 15 %.

Мотоцикл, не спеша, выехал с крытой парковки на плохо асфальтированную дорогу. Машина набрала скорость сто двадцать километров в час и устремилась к горизонту. Ливень усилился, защитный шлем активировал вспомогательный режим «помощи при плохой види-

мости». Небесные капли теперь были не помехой — мужчина контролировал всё на своём пути. Вдалеке показались ночные огни мегаполиса Нижний Гидропль, точнее — свет третьего сектора под символическим названием Пустошь. Позади ревущего мотоцикла оставались брошенные земли, которые не смогли устоять и побороться с могуществом матери-природы. Журналисты прозвали это «Большим землетрясением». Вспомним землетрясения в Кашмире, на полуострове Камчатка, в Афганистане и, конечно же, Тохоку. Катастрофа не пришла — она медленно проступила сквозь привычную жизнь.

Сначала земля вздрагивала где-то далеко, как будто во сне. Потом трещины стали ближе, глубже, громче. Города оседали, побережья уходили под воду, трассы рвались, как нити. Свет гас не сразу — квартал за кварталом, будто кто-то выключал мир по частям.

Не было одного взрыва, одного дня, который можно было бы назвать концом. Просто в какой-то момент стало ясно: прежнего порядка больше нет. Государства сузились до укреплённых точек, дороги — до опасных маршрутов, люди — до тех, кто успел спрятаться за стенами, и тех, кто остался снаружи.

Планета не уничтожила человечество. Она лишь стряхнула его с удобного места.

Пока земля продолжала дрожать, люди спорили о причинах. Учёные искали формулы, церковь — виновных. Планета молчала.

По территории страны тянулись разломы — неровные шрамы, разрезающие трассы и города. Посёлки исчезали первыми. Миллионники держались дольше, втягивая в себя выживших, пока не раздулись до тяжёлых, перегруженных мегаполисов. Нижний Гидропль собрали из уцелевшего — заводов, складов, старых военных баз. Власть там взяли корпорации: у них были ресурсы и оружие. Город разделили на три сектора — для порядка и контроля.

Третий быстро переполнился теми, кому не нашлось места в первых двух. Беженцы, списанные военные, люди без прошлого. Они застраивали руины, тянули провода, открывали лавки. Со временем сектор перестали называть по номеру.

Его назвали Пустошью. О нем не говорят в новостях. Туда не приезжает скорая помощь. Формально за сектор отвечает шестой отдел КВО «Сибирь», но его задача свелась к простому — держать периметр. Внутрь отправляли «штрафников» — хорошо вооружённых, молчаливых. Пустошь жила сама по себе. И выживала сама по себе.

— Внимание! Вы подъезжаете к контрольно-пропускному пункту Нижний Гидропль, третий сектор. Приготовьте пропуск.

Голос навигационной системы был ровным, почти заботливым. Саммерс выключил звук. Баннер вырос из дождя, как мишень. Простреленный, изодранный ветром. «Добро пожаловать в Нижний Гидропль». Поверх — свежей краской, неровно: «Добро пожаловать в ад». Он не улыбнулся. «Я был в аду, но там не проверяют документы!».

Прожектор включился резко — белая вспышка ударила по глазам. Зрачки болезненно сузились. Мир сжался до круга света и чёрных краёв по периметру. Слева — пулемётное гнездо. Ствол направлен не прямо, а чуть в сторону. Так удобнее быстро довести. Справа — второе. Там кто-то шевельнулся. Металл тихо заскрипел, будто кошка длинными когтями.

Мотоцикл замедлился. Двигатель урчал низко, с перебоями — произошёл перегрев. Не вовремя и ни кстати. Красная линия, которая разделяет город и выжженную землю. Саммерс остановился, но мотор не заглушил. Из будки вышли двое. Один — плотный, с сигаретой в зубах. Глаза прищурены от дыма.

Второй — худой, бритый наголо. Без сигареты. Без выражения лица. Его автомат висел низко, но палец лежал рядом со спуском.

Без сигареты всегда опаснее.

— Предъявите пропуск.

Голос сухой. Без раздражения. Без вежливости.

Саммерс медленно снял перчатку. Медленно — чтобы было видно каждое движение. Достал липовый пропуск давно умершего гражданина. В этот момент он чувствовал прожектор кожей — свет жёг шрам на щеке. Документ перекочевал в чужую руку. Дождь зашуршал сильнее. Капли били по металлу шлагбаума, по шлему, по стволу пулемёта. Звук становился навязчивым.

— Миров Станислав Петрович? — военный не поднимал глаз. — Снимите шлем.

Щелчок фиксатора прозвучал как выстрел. Холодный воздух коснулся влажного лба. Пот начал остывать.

Военный смотрел долго. Не в глаза. На шрамы. На переносицу. На линию подбородка. Сверял и конкретно действовал Саммерсу на нервы.

— Семейный психолог, значит.

Пауза.

— Ну да, — ответил Саммерс. — А что не так?

Сигарета вспыхнула. Красная точка зависла в темноте, потом медленно приблизилась.

— Почему такой помятый? — выдохнул дым курящий.

— Повздорил с клиентом.

Худой обошёл мотоцикл. Медленно. Как хищник. Ботинки чавкали в грязи. Он остановился за спиной Саммерса — вне поля зрения.

Плохая позиция.

«Не оборачивайся».

Жар снова поднялся изнутри, как волна. Виски запульсировали. Он почувствовал, как капля пота скатилась по позвоночнику.

— Не против, если я приму жаропонижающее? — голос Саммерса прозвучал чуть хриплее, чем хотелось. — Подцепил какую-то дрянь.

— Сифилис? — усмехнулся курящий.

— Ну что вы. Я — семьянин. Стараюсь, мало грешить.

Худой не смеялся.

— Понятно. Что делали за пределами города?

— Катался. Ужинал в мотели «Оазис». Сейчас домой. Дочку в школу вести с утра.

— Дочка значит, — повторил худой у него за спиной.

Саммерс слышал, как тот наклонился к мотоциклу. Металл тихо звякнул.

— Вы живёте во втором секторе. А въезд через третий?

Тишина стала плотной. Даже дождь будто стих.

«Сейчас тебя повяжут».

— За КПП меня ждёт автомобиль с водителем.

Сигарета упала в лужу. Погасла с шипением. Курящий медленно достал пистолет из кобуры. Не направляя. Просто держа в руке.

— Оружие есть?

Саммерс кивнул. Медленно достал GM-101. Рукоять скользила в ладони.

Худой оказался рядом мгновенно. Забрал пистолет. Проверил магазин.

Щёлк. Передёрнул затвор. Щёлк. Звук был коротким и окончательным. В левом пулемётном гнезде ствол чуть опустился. Почти незаметно.

— GM-101. Неплохая игрушка. Зачем психологу такое?

— Странный вопрос. Конечно, для самообороны.

— А разрешение?

— Дома, — невозмутимо ответил Саммерс. — Я могу ехать?

Военный смотрел на него без моргания.

Саммерс чувствовал, как сердце бьётся в горле. Слишком быстро. Если дрогнет голос — всё. Если рука дёрнется — всё. Если они почувствуют жар — всё.

Худой вернул внимание к пропуску. Поднёс ближе к прожектору. Пальцем провёл по ламинации. На лице отобразилась не добрая улыбка. Саммерс застыл словно вкопанный фонарный столб.

— Видишь? Печать странная, — произнес он. — Ладно, клоун, давай оплачивай штраф. И мы забудем, что ты вообще здесь был.

— Штраф?

— Три тысячи.

Сумма была не про деньги. Это была цена за молчание. За жизнь. За то, чтобы шлагбаум поднялся. Саммерс молчал секунду слишком долго. В пулемётном гнезде кто-то кашлянул. Металл снова тихо щёлкнул.

— Ни хрена себе! Немного ли? — спросил он.

Оба военных переглянулись. Худой сделал шаг ближе. Настолько, что Саммерс почувствовал запах оружейной смазки и дешёвого одеколона.

— Немного, — сказал он. — Или поедешь в приемник за подделку документов.

Теперь ствол его автомата смотрел уже не в сторону. А прямо в грудь. Прожектор не моргал. Дождь не прекращался. И шлагбаум всё ещё оставался опущенным. Из динамиков КПП неожиданно раздался женский голос — слишком спокойный для этого места:

«Напоминаем, что со вчерашнего дня в третьем секторе введён повторный масочный режим. Для защиты себя и окружающих просим носить маску в закрытых помещениях». Голос звучал стерильно, будто из другого мира.

Будто здесь кто-то ещё заботился о «защите окружающих». Саммерс медленно опустил руку в карман. Пальцы нащупали бумагу. Три потрёпанные купюры.

Последние. Он знает их на ощупь — знает, где надрыв, где пятно. Рубли, которые он не успел обменять на отполированные юнионы. Обычно всё уходило через местных барыг по грабительскому курсу. Те же «бизнесмены» за немаленький процент открыли ему счёт в «Банк Националь». Каждый месяц он переводит туда деньги — словно надеется построить мост в мир, который никогда его не примет. «Зачем? Для кого?» — спрашивал он себя не раз. Отбросам по типу него не светит первый сектор. Там живут лица с экранов, корпоративные хозяева и стерильные семьи без шрамов. Он протянул деньги грабителям в форме.

— У меня только две с половиной.

Военный пересчитал купюры несколько раз. Медленно. Нарочито с издевкой.

— Маловато, — произнёс он с ленивой усмешкой. — Всё-таки, придётся тебя отправить в спецприемник. Сегодня там аншлаг.

Автомат худого слегка приподнялся. Не резко. Просто удобнее.

— Давай перестанем друг другу яйца массировать, — тихо сказал Саммерс. — Это всё, что у меня есть.

Курящий посмотрел на напарника:

— Что думаешь, Семён?

Семён не спешил. Он уже держал в руке карманный лэптоп. Экран отражался в его зрачках холодным светом. Пальцы быстро бегали по экрану.

— Странно… — пробормотал он. — Это чудо не проходил ни по каким делам в управлении. Вообще чисто. Впервые такое вижу.

Он поднял глаза. Долго смотрел. Слишком долго.

Саммерс чувствовал, как под одеждой снова поднимается жар. В висках стучало. Если они сейчас решат копнуть глубже — фальшивка посыплется.

— Ты так и не ответил, — напомнил курящий.

Пауза. Семён закрыл лэптоп.

— Хрен с ним. Давай, сделаем придурку скидку.

Курящий ухмыльнулся. Деньги исчезли в его кармане.

— Проезжай, психолог. — Он вернул GM-101, рукоятью вперёд. — И маску не забывай. А то заботимся же о тебе.

Шлагбаум медленно пополз вверх. Слишком медленно. Как будто раздумывал. Саммерс на секунду задержался. Не из благодарности. Из ненависти.

«Грёбаные шакалы».

Он не сказал этого вслух. Просто сплюнул в сторону будки и выкрутил газ.

Мотоцикл рявкнул зло, почти агрессивно. Колесо сорвало грязь с красной линии. Пулемётные гнёзда остались позади, но он чувствовал их взгляд в спине ещё несколько секунд. Ливень начал стихать. Дождь теперь шёл редкой дробью.

Саммерс перевёл мотоцикл в ручной режим. Электроника ему сейчас была не нужна. Он хотел чувствовать машину напрямую.

Северная часть сектора встретила его руинами. Пятиэтажные «хрущёвки» стояли, как обгоревшие зубы. Чёрные окна без стёкол. Провода висели, как жилы. Некоторые дома были распилены разломом — половина здания просто отсутствовала, открывая чужие кухни и спальни ветру. Словно город — герой Сталинград в самые худшие моменты немецкой осады.

Дорога больше напоминала минное поле. Ямы — размером с воронки от бомб. Асфальт местами вспучен, местами провалился в темноту. Набрав большую скорость, «железный конь» мчался в сторону центральной части Пустоши. Руины торчали по обе стороны, как каменный лес. Неровные силуэты напоминали древний памятник — хаотичный, бессмысленный. Человечество умело строить красиво. Разрушать — ещё лучше. «Будущее, которое мы заслужили», — подумал он. И самое неприятное — он чувствовал, что сегодня это только начало.

В эту ночь центральная часть Пустоши жила своей обычной жизнью — если это вообще можно было назвать жизнью. Неон рвано мигал, окрашивая лужи в ядовито-розовый и кислотно-синий. Вывески многочисленных развлекательных заведений — бар «Моль», «Сухой закон», «Третий шанс» — манили всё ночное отребье на свет, как насекомых. Дешёвое здесь пойло лилось рекой, музыка гремела сквозь треск колонок, двери хлопали, выплёвывая наружу пьяные силуэты. В подворотнях сонные наркодилеры переговаривались с женщинами древней профессии. Сделки заключались быстро, почти без слов. Деньги переходили из рук в руки так же привычно, как сигареты в тюремных камерах.

Девушки выходили на улицы группами — яркий макияж, блёстки на щеках, искусственные улыбки. Впереди шли их любимые «мамочки» — тяжёлые взгляды, цепкие пальцы, холодный расчёт. За самые видные места приходилось платить. И платить вперёд. Иногда всё заканчивалось словами. Чаще — нет. Между конкурирующими «ночными бабочками» вспыхивали драки. Жёсткие, без правил. Каблуки ломались о рёбра, ногти оставляли кровавые борозды на лицах. Толпы зевак сбегались мгновенно — кто-то делал ставки, кто-то снимал на дешёвые коммуникаторы. Победитель получает лучшие точки — яркий свет, поток клиентов, быстрые деньги. Проигравшая — частную клинику с сомнительной репутацией. Или два метра под землёй в сыром деревянном ящике. Никого это уже не удивляло.

На одной из стен, между облупившейся рекламой и пятнами старой гари, недавно появилась свежая надпись: «Оглянись по сторонам. Этого мира больше нет! Не дай КОРПОРАЦИЯМ контролировать твою жизнь!» Буквы были неровные, с потёками краски. В них чувствовалась злость — ещё не оформленная, почти детская. Будто автор граффити слишком поздно выключил телевизор и наконец понял, в каком дерьме живёт. К утру надпись либо закрасят, либо рядом появится ещё одна. Пустошь любит говорить со стенами. Людей она давно перестала слушать.

Припарковав мотоцикл напротив граффити, Саммерс сверил правильность адреса. Курский проезд, строение восьмое. Уверенной походкой он направился к старой девятиэтажке, датированной двадцатым веком. Возле входа в нужный подъезд, шумно тусуются шестеро подростков. На грязном асфальте шумит бум бокс, динамики которого выплескивают экстрим —

вокал металлической музыкальной группы. Самый активный из подростков истерично визжит, пытаясь переорать рычание вокалиста. Его друзья прибывают в явном восторге, гремя стеклянными бутылками. Заприметив незнакомца, двое из них полезли в карманы. «Вооружённая шпана, — остановился Саммерс. — Еще сопли текут».

— Привет, братва! Как настроение? Говорю сразу, я пришел к вам с миром!

— Чё надо, мужик? Чё тут вынюхиваешь?

— Сплошные вопросы. А нет ли среди вас парня по фамилии Расков? Имя вроде Сергей или типа того, — Саммерс пролистывает заметки в телефоне. — Да, все верно. Сергей.

— Обознался, — ответил главарь. — Тут таких лузеров нет.

— Печально. Погремуха у него еще козырная — Нико.

— Чё ты сразу не сказал! Так это же нарк местный. Живет на пятом, крайняя дверь слева. «Соль» ему принес? Да?

— Не угадал, — Саммерс нащупал рукоятку своего ствола. — Мама его попросила меня проведать сынишку. Говорит, давно не звонил, а вдруг что случилось Волнуется.

— Слышь, мужик! Хорош чушь пороть! — двинулся вперед старший. — Гони «соль» с баблом и вали отсюда!

Рука мужчины не успела дернуться. Через секунду в ней красовался заряженный пистолет. Детки мгновенно ошалели, потеряв чувство отваги.

— Отстреливать малолеток мне ещё не приходилось. — Саммерс махнул пистолетом, произведя на толпу впечатление. — Забирайте свою тарахтелку и валите на хрен!

TRACK_03 — IN_THE_DARKNESS / Tape_A

Лифт исписан разной нецензурной бранью, адресованной к единственной девушке по имени «Леся». Видимо она, когда-то жила в этом подъезде и была очень популярна. Потолочные лампы выбиты. Одна уцелевшая мигала, отбрасывая рваные тени. Лифт дёрнулся, когда двери закрылись, и пополз вверх с металлическим воем. Станция управления гудела так, будто внутри кто-то скрежетал зубами.

Третий. Четвертый.

Двери открылись с пронзительным скрипом на пятом этаже. «Если верить шпане, то я близко». Подъезд был не лучше. Облупленная краска, потёки на стенах, выбитые глазки на дверях. В воздухе стоял запах дешёвого табака и вчерашней еды.

И здесь кто-то решил вспомнить про бедную Лесю, выцарапав на стене её номер телефона. Поравнявшись с нужной дверью, Саммерс открыл телефон. Экран холодно подсветил лицо:

> **ФИО — Расков Сергей; год рождения — 2027; родители — отец неизвестен, мать неизвестна; правонарушения — кибератаки, скупка нелегальных андроидов, подделка валютных документов. Краткая характеристика: свободно владеет английским языком, программирование, кибернетика. Особые приметы: Татуировка с крыльями на шее.**

«Крылья. Летун значит» — с широкой улыбкой вытащил ствол Саммерс, затем легонько толкнул дверь кончиком дула. Она поддалась без сопротивления и медленно распахнулась внутрь, скрипя так, будто возражала против чужого присутствия. Темнота встретила его тишиной. Не обычной — квартирной.

Глухой. Поглощающей. Он сделал шаг. Под ботинком хрустнул пластик. По полу тянулись сетевые кабели — толстые, тонкие, переплетённые в узлы. Они свисали со стен, оплетали батареи, уходили под потолок, как чёрные лианы. Некоторые были перемотаны изолентой, другие — просто скручены и воткнуты в самодельные разъёмы. Удушающий запах палёной проводки никуда не делся. Слева, из приоткрытой двери санузла, пробивался слабый голубоватый свет. Саммерс направился туда.

Выломанная ванна. На её месте стояла миниатюрная серверная — стеллажи из металлических уголков, платы, блоки питания, провода, перепаянные вручную. Всё это питалось от самодельного бесперебойника, собранного на основе старых, давно снятых с производства инверторов. Один из них искрит. Очень ярко. Сухой треск раздаётся каждые несколько секунд.

Стены квартиры вокруг были грязно-чёрные, словно закопчённые. Полгода назад здесь бушевал пожар. Потолок над серверной вздулся, штукатурка местами осыпалась. На полу виднелись следы размякшего ламината — видимо, тушили своими силами.

Из-за дешёвых комплектующих и отсутствия элементарной техники безопасности такие токеры часто сгорали заживо. Саммерс видел это раньше. Когда человек подключал тело к Сети и уходил глубже, чем следовало, он переставал быть телом. Сутки без движения. Двое. Если никто не следил — мышцы каменели, кожа покрывалась потом, мочевой пузырь перестает слушаться, а в воздухе накапливался запах перегрева. Токер, зависший там более двадцати четырёх часов, становился неподвижным куском плоти. Если начиналось возгорание, он не чувствовал ни дыма, ни жара. Система сенсоров была отключена — мозг занят другим миром.

Единственное спасение, — модульная автоматика. Жёсткий лимит. На двадцать пятом часу соединение обрывалось принудительно. Без предупреждения. Без мягкого выхода. Иначе — крематорий в однокомнатной квартире. Также, они редко пользуются официальными интерфейсами. Лицензированные нейрошлемы стоили как квартира и работают с десятком ограничений. Предпочтительней аппаратура с черного рынка под банальным названием — «прямое нервное подключение». Без посредников. Без фильтров. Но и без гарантий. Чуть ниже локтя, у токеров есть разъём — грубая металлическая пластина с контактным гнездом. В неё влезает сетевой штырь — толстый кабель с импульсным модулем на конце. Когда иглы-контакты входили в нервные каналы, тело реагировало мгновенно.

Интеграция — это боль. Боль, которая ломает дыхание. Первое подключение часто становилось последним. Можно умереть прямо на полу своей комнаты, с воткнутым штырём в руке. А если тело принимало Сеть, то следующие двадцать четыре часа он летел. Без гравитации. Без нищеты.

Без копоти на стенах. Ярче. Чище. Справедливее. Все по — честному. Пока таймер не приблизится к обнулению.

В грязной кухне, утонувшей в темноте, был деревянный стол. На нём — десяток коробок из-под местной еды и пустые бутылки. Холодильника не было: всё доставленное съедалось сразу. Ежедневная интеграция требует немалых сил.

В углу у окна — обугленный железный бак, вероятно, для костра зимой. Батареи и трубы отопления срезаны. На стене свежей красной краской выведено: «Я ПЕРВЫМ ПОЗНАЮ УЧЕНИЯ ВЕЛИКОГО КИБЕР-БОГА!»

— Еще один религиозный придурок, — хмыкнул мужчина. — Зимой тут яйца можно отморозить.

Саммерс двинулся по коридору к комнате, откуда тянулся слабый гул систем охлаждения. Мерцала неисправная неоновая лампа. Он шёл почти на ощупь, осторожно переступая через мотки кабелей и мусор, скопившийся за месяцы.

В комнате хозяина — тот же хаос. На полу валяются пустые бутылки, сигаретные бычки, пластиковые контейнеры из—под синтетических наркотиков. Токеры не считают себя зависимыми. Эти вещества они называют «болеутоляющим» — исключительно для синхронизации с Сетью.

В центре на самодельном подиуме, стояла подключённая к Сети кибер-консоль «Leevay Zero-SHI-7». В потресканном кресле перед ней была человеческая фигура. По надписям на мониторах и сетевому штырю, стало ясно: токер в режиме online. Руки свисают ниже колен. Голова в вирт-шлеме упала на грудь. Между ног расползлось мокрое пятно с резким запахом. Корпус консоли усеян красными с синими пилюлями. Под ногами одиноко лежит открытая бутылка спиртного.

Кроме выцветшего граффити стены комнаты украшают постеры «горячих» девиц из журналов для взрослых. Саммерс подошёл ближе. Мониторы мигают. В красном окне пульсометра застыло уведомление: «Отсутствие пульса у оператора Сети». Одежда и кресло пропитаны запёкшейся кровью.

— Опа! Похоже, приплыли.

Саммерс поддел голову дулом и стянул с головы наркомана шлем. Под пластиком — пустой взгляд и рот, застывший в немом крике. По рваной ране на шее ясно: кто-то — а может, и что-то подкрался сзади, схватил за горло и одним рывком вырвал кусок плоти. Гортань и часть трахеи отсутствовали.

Вроде не похоже на ограбление, потому что знания токеров слишком дорого стоят. Взломы — хлеб, которым они питаются. Не будет хлеба, не будет Сети с разноцветными пилюлями.

Саммерс вставил накопитель в консоль покойника и быстро нашёл украденные данные под простым названием «текущие запросы». На дисплее вспыхнуло уведомление о начале переноса. «Примерное время завершения — сорок минут». Красная полоска лениво поползла вперёд.

— Зашифровано. Тут не десять, а как минимум половина, — пробормотал Саммерс, окидывая комнату взглядом.

Телефон завибрировал.

— Говори! — прохрипел Каурин.

— Привет, милый. Я на месте. Посылка вскрыта, бантик снят.

— Заткнись! Где Носов? Позовите его! Линия защищённая? Я спрашиваю — защищённая?! — Андрей почти сорвался на крик. — Можешь говорить! Нас никто не слышит. Упыря допросил? Где он купил «призрака»? Данные слил?

— Помедленнее. К сожалению, твой упырь умер.

— Умер?! Твою мать! Ты его что ли?

— Я? — Саммерс усмехнулся. — Я не мясник. Гортань вырвали без анестезии. Следов борьбы нет. Не похоже на ограбление.

— Возможно, местные что-то не поделили. Ладно, чёрт с ним. Одним уродом меньше. Забирай данные и уходи. Как покинешь сектор — сообщи. Вышлю зачистку. Передашь всё лично мне. И запомни: если попытаешься меня кинуть или данные окажутся не в тех руках, башку отдельно от задницы найдут в подвале. Усёк?

— Плохо слышно. Ну и связь тут. Что ты там говорил про подвал?

— Пошел ты!

С начала загрузки прошло девять минут, когда в комнате внезапно вспыхнул свет. Кибер-консоль издала роботизированный, режущий уши скрип. Кресло с телом токера дёрнулось и встало вертикально. Из динамиков раздался мужской командный голос — холодный, без пауз:

— Внимание. Произведено автоматическое отключение сети. Внимание. Произведено автоматическое отключение сети. Оператор обязан покинуть кибер-станцию. Повторяю, немедленно покинуть кибер-станцию. Корпорация Leevay Technology благодарит вас за сотрудничество. До свидания!

— Автоматика, — бросил Саммерс, глядя на тело токера. — Дерьмово выглядишь, парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.